

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ

98-5
2824-1a

009 127
144 414
872

Россия и Германия

Выпуск 1

Ответственный редактор
доктор исторических наук

Б. М. ТУПОЛЕВ

МОСКВА

«НАУКА»

1998

1999

Л.Н. Бровко

Г.В. ПЛЕХАНОВ О ТЕОРИИ Э. БЕРНШТЕЙНА: ПОЛЕМИКА ПО ПРОБЛЕМАМ МАРКСИЗМА¹

В начале 1898 г. в теоретическом журнале Социал-демократической партии Германии "Нойе цайт", редактируемом К. Каутским, в серии "Проблемы социализма" стали появляться статьи Э. Бернштейна, которые для многих социал-демократов оказались неожиданными. Беря себе в союзники К. Маркса и Ф. Энгельса (в особенности последнего) и подчеркивая те аспекты их теоретического наследия, которые не вполне были востребованы теоретиками немецкой социал-демократии, Бернштейн объявил о необходимости пересмотра кардинальных положений марксизма, обусловленного изменением объективных условий, наступлением новой эпохи и, по мнению Бернштейна, совершенно естественного в смысле эволюции теории, которая именует себя научной.

В обобщенном виде основные мысли Бернштейна, которые представляли собой критику марксизма, практически всех его составных частей, прозвучали на Штутгартском съезде СДПГ в октябре 1898 г. (заявление Бернштейна ввиду его пребывания в Лондоне было оглашено А. Бебелем)², а затем были сформулированы в книге Бернштейна, которая вышла в свет в 1899 г. под названием "Предпосылки социализма и задачи социал-демократии". В начале века появились три русских перевода этой книги под разными названиями — в Лондоне, Санкт-Петербурге и Москве³. В России идеи Бернштейна были некоторое время весьма популярными. Более того, как отмечал по этому поводу Г.В. Плеханов, "бернштейниада" в России возникла раньше, чем появилась в Германии, ибо мысли, которые высказывал Бернштейн, в 90-е годы уже получили свое распространение среди так называемых легальных марксистов, группировавшихся вокруг П.Б. Струве, тогда еще социалиста, позднее перешедшего в лагерь конституционных демократов (кадетов).

Плеханов, который обратил внимание на это обстоятельство как на своего рода знак времени, явился фактически первым, взявшим на себя смелость от лица тогдашнего ортодоксального марксизма развернуть критику теории Бернштейна, Струве и других реформистов⁴. Плеханова поддержали лидеры немецкой социал-демократии А. Бебель (сам он устранился от ведения дискуссии, сославшись на свою

занятость), В. Либкнехт. К. Каутский предоставил Плеханову возможность печатать статьи в "Нойе цайт".

Возникла своего рода дискуссия по проблемам социализма и теории марксизма вообще, правда, дискуссия весьма своеобразная, так как часто статьи противников появлялись одна независимо от другой, не в качестве ответа или реакции на соответствующее высказывание. Так, например, Плеханов жаловался в переписке с Каутским на то, что не может дождаться ответа Бернштейна на свою первую критическую статью "Бернштейн и материализм", вышедшую в "Нойе цайт" в июле 1898 г. "Так как он молчит, — писал Плеханов, — я продолжаю атаку"⁵. В свою очередь, Бернштейн поручает ответить от своего имени К. Шмидту и косвенно, в качестве реакции на статью Шмидта, получает ответ от Плеханова в виде статьи "Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса"⁶. Плеханов нередко адресовал свои сочинения всем своим тогдашним теоретическим противникам — Бернштейну, Струве, Шмидту и др. Критикуя Струве и обобщая свои возражения по сходным теоретическим моментам, он полемизировал с Бернштейном, соответственно критика против Бернштейна была направлена и против Струве. Свои возражения и замечания в адрес Плеханова, правда весьма краткие и отрывочные, Бернштейн высказывает в упомянутой выше книге. В ответ же на ее появление в 1901 г. в заграничном теоретическом органе русских марксистов журнале "Заря" вышла статья Плеханова "Сант против Канта или духовное завещание г. Бернштейна", хотя здесь его опередил Каутский, опубликовавший критическую работу "Бернштейн и социал-демократическая программа", к которой по определенным проблемам Плеханов нередко отсылал своего читателя.

Мы знаем судьбу Г.В. Плеханова, знаем о его неприятии леворадикального крыла в марксизме, о его расхождениях с В.И. Лениным, в особенности проявившихся после первой русской революции 1905–1907 гг. Плеханов считал, что Россия в силу ее социально-экономического развития стоит только перед буржуазно-демократической революцией и еще весьма далека от решения задач чисто социалистического характера. Он нередко вспоминал слова Маркса из предисловия к "К критике политической экономии": "Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить..."⁷ Имели место расхождения Плеханова с левым крылом российской социал-демократии и по поводу тактической линии, причем, исходя из вышесказанного, Плеханов подчеркивал необходимость союза с демократическими кругами буржуазии. Плеханов категорически выступал против превращения, как ему казалось, под давлением сторонников Ленина марксистской партии в секту с

жестким ядром и сверхцентрализованным руководством, за сохранение демократических принципов в среде самих марксистов, против всякого доктринерства и догматизма. Но это было несколько позднее, когда позиция Плеханова по отдельным тактическим моментам сблизилась с позицией правых социалистов. Хотя надо сказать, что доктринерство, догматизм и сектантство Плеханов всегда рассматривал как отступление от марксизма.

Плеханов считал себя ортодоксальным марксистом и часто с гордостью об этом говорил, имея в виду приверженность основополагающим принципам теории, которую разработали К. Маркс и Ф. Энгельс. И здесь он был категоричным и непримиримым, но приверженность свою марксистским принципам не называл догматизмом, опровергая соответствующие нападки со стороны своих оппонентов. Так было и в полемике с Бернштейном и его сторонниками. "К чему я стремлюсь, – писал он 20 мая 1898 г. Каутскому, – это защитить идеи Ф. Энгельса, которые наши философы вроде К. Шмидта считают старыми и не выдерживающими критики"⁸.

Надо сказать, что Плеханов часто давал повод для упреков со стороны своих оппонентов из-за резкой формы, в какой он вел дискуссию. В полемическом задоре он действительно переступал ту грань, которая отделяла спокойную научную аргументацию от яростно-партийных наскоков, и становился похожим на столь не любимых им партийных начетчиков. Вероятно, это его качество, характерное для части российской интеллигенции во все времена, послужило причиной того, что Каутский уже в феврале 1899 г. вынужден был прекратить полемику на страницах своего журнала⁹. В дальнейшем Плеханов стал печатать свои сочинения в разных зарубежных изданиях, начиная с русской эмигрантской прессы и кончая социалистическими изданиями в различных европейских странах.

В полемике с Бернштейном Плеханов много места уделял чисто философским проблемам, в особенности потому, что считал материализм, в частности исторический материализм и диалектику, тем стержнем, на котором держится марксизм. К тому же именно на материализм и диалектику направлял свою критику Бернштейн.

В статье "Реалистический и идеологический моменты социализма", опубликованной в мае 1898 г. в "Нойе цайт", Бернштейн призвал вернуться "до известной степени" назад к Канту¹⁰, к его теории непознаваемости сущности материи: об относительности наших знаний, об эволюционном в силу закона причинности развитии материи¹¹. Диалектику же Бернштейн объявил довольно вредной штукой, которая в конечном счете приводит марксистов ко всякого рода теориям социальных катастроф и революций, к теории диктатуры пролетариата, которая является аномалией и признаком низкого уровня развития. Э. Бернштейн считал (и все эти мысли он обобщил в своей книге), что К. Маркс и Ф. Энгельс оказались в плену саморазвития понятий, в плену логики противоречий, который и привел их к неверным выводам.

Настаивая на непознаваемости сущности материи, критики марксизма подчеркивают кантовскую формулу о том, что вещи существуют только в нашем восприятии как феномены, мы знаем о вещах только то и настолько, насколько мы их воспринимаем. Бернштейном часто цитируются при этом слова некоего Штреккера, физика, который высказал мысль, что можно только "верить в атом", но ни в коем случае нельзя постичь его сущность¹².

Плеханов здесь непримирим и противопоставляет Бернштейну свою точку зрения. Во-первых, он пишет, что Кант не был каким-то первопроходцем в смысле подчеркивания относительности нашего познания, что и до него материалисты прошлого, в частности Ламеттри и Гельвеций, затем Спиноза, которого в отличие от реформистов Плеханов считал материалистом, отмечали сложность и неоднозначность познания материи, когда при всей доступности познания свойств материи относительно непознаваемой остается ее сущность: "Сущность материи для нас непонятна, мы постигаем ее только сообразно ее воздействию на нас"¹³. Но это то, писал Плеханов, о чем говорил и Энгельс в работе "Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии", и, ссылаясь на Энгельса, Плеханов подчеркивал, что именно "сообразно ее воздействию на нас" материя постигаема. Воздействовать – значит уже находиться в каких-то отношениях с материей, т.е. знать об отношениях между предметами или вещами. Другими словами, благодаря практике, о чем неоднократно писал Энгельс, благодаря тому, что мы производим какое-то действие и заставляем служить нашим целям какое-то явление, «кантовской неуловимой "вещи в себе" приходит конец»¹⁴.

Плеханов в то же время напоминает, что, имея общие истоки и основу с материалистами прошлого, Маркс и Энгельс также отмечали сложность и неоднозначность процесса познания материи, которая не может сводиться метафизически к механистическим факторам, к движению, как на том настаивали вульгарные материалисты типа Фогта и Молешотта. Он вспоминает слова Энгельса, который в разговоре с Плехановым в 1889 г. на эту тему сказал, что Спиноза, безусловно, был прав в своем утверждении, что мысль и протяжение не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции¹⁵. Спинозу Плеханов упоминает в ответ на утверждение Бернштейна, что Спиноза в своем пантеизме похож на материалистов: у него мышление и бытие идентичны¹⁶. Плеханов категорически заявляет, что идентичность бытия и мышления возможна только в идеализме, а у Спинозы единая субстанция одновременно и вещественная и духовная¹⁷.

Из всего этого Плеханов делает вывод о бессмысленности призывов вернуться назад к Канту, так как в таком случае следовало бы идти по крайней мере назад к Спинозе или к еще более ранним материалистам, которых Бернштейн, по мнению Плеханова, так и не понял. Остановившись на теории познания, Плеханов писал: "Справедливо то, что мы никогда не узнаем, как возникает наше сознание. Но вопрос совсем не в этом, а в том, может ли это наше незнание служить

возражением против материализма¹⁸. Неокантианцы думают, что может, Плеханов же утверждает вслед за классиками марксизма, что не может.

Плеханов категорически выступил против вульгаризации марксизма, против желания свести исторический материализм к так называемому экономическому материализму, как это делал Бернштейн на том основании, что в его основе лежит экономический фактор. Бернштейн, приписывая историческому материализму "презрение к идеалу, признание материальных факторов всемогущими силами развития"¹⁹, считает это самообманом, о котором знают и те, кто это проповедует. Ссылаясь на труды Энгельса, Плеханов подчеркивал непримиримость марксизма с вульгарными теориями вроде теорий Фогта и Мошотта, которые все силы материи сводили к движению²⁰.

Плеханов многократно отмечал в своих работах, что Бернштейн не понял марксизма, что при всем базовом значении производственных отношений для марксизма важна вся сумма факторов, характеризующих то или иное явление общественной жизни, — политических, идеологических, духовных, из которых образуется вектор, определяющий то или иное историческое событие. Иначе было бы странным, подчеркивал Плеханов, что марксизм уделяет такое внимание политической борьбе, политической власти, формированию марксистской идеологии или развитию самосознания у пролетарских слоев населения²¹.

Материалистическое понимание истории в отличие от идеалистического, на котором настаивают современные неокантианцы, утверждающие, что "экономика общества есть только проявление человеческой природы и что человеческая природа — это основа, на которую опирается действие всех факторов исторического развития"²², является, по мнению Плеханова, "единственным научным объяснением истории"²³. Плеханов приводит пример неправомерности идеалистического подхода. Реакционеры упрекают французских просветителей в том, что они подготовили французскую революцию. Но почему же, спрашивает Плеханов, их пропаганда началась только с XVIII столетия? В чем причина? В общих свойствах человеческой природы? Но эти свойства были такими же и раньше. Причина не в психологии, подчеркивает Плеханов, а в изменении социальной структуры, в экономическом развитии Франции в этот период. Именно политическая экономия должна объяснить эволюцию социальных реформ и человеческой мысли²⁴.

Критикуя крайность, в которую впадает Бернштейн, пытаясь отстаивать независимость духовного фактора от общественных и экономических отношений, Плеханов отмечал, что тогда следовало бы признать, что духовный фактор развивается "сам из себя", а это саморазвитие духовного фактора есть не более как одна из разновидностей того "саморазвития понятий", против которого выступал Бернштейн, как против "одного из опасных признаков гегелевской диалектики"²⁵.

Следуя своей методологии познания, Плеханов выводит "отвраще-

ние буржуазии от материализма" и ее столь ярко выраженное в рассматриваемый период "пристрастие к философии Канта" из современного состояния общества. «Буржуазия видит в учении Канта сильное "духовное оружие" в борьбе с крайними стремлениями рабочего класса"²⁶, — пишет Плеханов. Он подчеркивает, что современное состояние рабочего класса таково, что он не созрел для борьбы за свою эмансипацию, что он еще не достиг соответствующего уровня самосознания, что он еще крайне подражателен по отношению к высшим классам, и что тот, кто хочет содействовать развитию его самосознания, как величайшего "фактора прогресса", обязан бороться с этим подражанием²⁷. Другими словами, если следовать логике Плеханова, теория Канта способствовала консервации низкого уровня сознания угнетенных классов, подчеркивая невозможность познания мира и объективных исторических процессов, осознания своей роли, своего места в окружающей действительности. Тем более она отрицала возможность предвидеть историческую необходимость и закономерность, на принципиальной познаваемости которых настаивали революционные марксисты.

В связи с вышесказанным Плеханов считал, что отступления Бернштейна от материализма не простая ошибка философского ума, а естественное и неизбежное выражение его "нынешней социально-политической тенденции — сближения с передовыми слоями буржуазии"²⁸ и стремления защитить их идеологические и классовые интересы. Материализм порождает атеизм, который заставляет угнетенные классы более остро воспринимать социальную несправедливость и социальные контрасты в жизни, писал Плеханов. Поэтому деятели типа Бернштейна выбрали неокантианство, которое уживается с религией, и отказались от диалектики, чтобы не пугать буржуазию "ужасами насильственной революции"²⁹.

Г.В. Плеханов приводит слова К. Маркса о революционизирующем влиянии диалектики. В послесловии ко второму изданию "Капитала" Маркс писал, что все филистеры отказались от диалектики, когда поняли ее настоящий смысл, поняли, что она рассматривает все существующее с его преходящей стороны, что она ни перед чем не останавливается и ничего не боится — словом, что она революционна по самому своему существу³⁰.

Защите диалектического метода марксизма Плеханов уделяет чрезвычайно много внимания. Бернштейн утверждал, что Ф. Гегель пренебрежительно относился к точно определенным понятиям, считая их метафизикой, а потому если социализм и стал из утопии наукой, то не благодаря диалектике, а вопреки ей. Плеханов напоминает Бернштейну о том, что Гегель говорил о двух видах мышления: рассудке, фиксирующем отдельные вещества, силы, явления, как бы изолированные друг от друга пропастью, и разуме, исследующем каждое из явлений "в процессе его перехода в другое явление, в процессе его возникновения и уничтожения"³¹, что Гегель всегда требовал точности мысли и точности определенных понятий, что отличительным призна-

ком диалектического мышления являются поиски конкретной истины, а не отвлеченных абстракций типа "или-или". Ссылаясь на Н.Г. Чернышевского, Плеханов подчеркивает, что суждение можно выносить только об определенном факте, рассмотрев конкретно все обстоятельства, от которых он зависит³². Подчеркивая значимость гегелевской диалектики, Плеханов отмечает, что именно со времени Гегеля философы уже пытаются не просто подогнать мир под собственные философские понятия, а объяснить, познать его.

Бернштейн, отстаивая свою точку зрения в статье "Диалектика и развитие", вышедшей уже после появления его столь шумевшей книги "Предпосылки социализма и задачи социал-демократии", подчеркивал, что человек в результате своей эволюции не может стать существом иного рода³³. В ответ на это Плеханов ссылаясь на Гегеля, который отмечал, что "развитие всякого явления может сделать действительным только то, что заключено в нем как возможность"³⁴, а посему глубокомысленное замечание Бернштейна совершенно излишне.

По мнению Бернштейна, Маркс, увлекшись "диалектическими красотами", преувеличивал быстроту хода исторического развития. Признавая это, Плеханов со своей стороны считал, что диалектика здесь ни при чем: сторонники диалектического метода по-разному могут оценивать темпы развития капиталистического общества. Так, Лассаль отводил на постепенное преобразование капиталистической собственности в общественную от ста до двухсот лет, а Бернштейн уже предполагал, что на это может уйти и 500 лет³⁵. Существуют разные причины такого разброса мнений: это зависит от природы явлений, от конкретных условий, в которых они совершаются, от уровня естественнонаучных знаний, от невнимательного отношения к предмету и прочих причин, но ни в коем случае не от дефекта самого диалектического метода. Бернштейн категорически выступает против диалектики, так как, по его мнению, увлечение ею привело марксистов к "теории катастроф", как он называет теорию социальной революции. Сам же Бернштейн придерживался эволюционной теории развития общества.

Свое неприятие социальной революции Бернштейн, как и в России П. Струве, и их соратники обосновывали ссылками на философию Канта, который подчеркивал эволюционный характер изменений в явлениях природы в силу непрерывного действия причинности. Опираясь на Канта, П. Струве объявил понятие "социальная революция", несостоятельным на том основании, что природа скачков не делает, а интеллект их не терпит. Струве призвал на помощь самого Гегеля, который также указывал на непрерывный характер изменений в природе. Плеханов, в свою очередь, доказывал, что это совсем не исключает возможности тех самых скачков, против которых Струве восстает вместе с Бернштейном³⁶. Формула Гегеля, отмечал Плеханов, признает изменения непрерывными лишь постольку, поскольку они остаются "количественными", но она объявляет скачки неизбежными при переходе количества в качество. Касаясь кантовской теории,

Плеханов замечает, что у Канта изменяются только те предметы, которые остаются, т.е. продолжают существовать, но кантовское непрерывное изменение не объясняет ни сущности, ни возникновения, ни исчезновения этих предметов³⁷.

Плеханов писал о том, что Кант говорит о некоем новом состоянии субстанции, когда между частями этой субстанции возникают новые отношения. Плеханов считал, что возникновение этих новых отношений и есть та область, в которой количество переходит в качество, а непрерывное изменение приводит к "скачкам". «Наконец, — задавал он вопрос, — что нам делать с теми "скачками", которые уже произошли в истории»³⁸, имея в виду революционные события. Считая, что социальная история в силу исторической необходимости вообще развивается скачкообразно, он подчеркивал, что без скачка не обойтись даже в социальной реформе. Возражая Струве, который объявлял несостоятельной марксистскую теорию социальной революции на том основании, что она, по его мнению, помимо прочего, резко разграничивает две общественные формации — капиталистическую и социалистическую, Плеханов утверждал, что скачки подготавливаются постепенными изменениями и что "общественная эволюция совсем не исключает социальных революций, которые являются ее моментами"³⁹. "Скачки предполагают непрерывное изменение, а непрерывное изменение неизбежно приводит к скачкам. Это — два необходимых момента одного и того же процесса"⁴⁰. Интересно, что Струве упрекал марксистов, которые якобы не видят развития из-за резко очерченных понятий, в недостаточной верности диалектике. У Бернштейна же, напротив, марксисты слишком верны диалектике: они, по его мнению, мало считаются со специфическими признаками вещей и пользуются диалектикой там, где это совсем недопустимо или же допустимо только в известных пределах, что чрезвычайно опасно. По мнению Плеханова, несогласованность их оценок означает лишь разнообразие в единстве, они оба не понимают диалектики, их вообще мало заботит философская мысль или философская истина. Они лишь озабочены тем, чтобы ослабить "известную практическую тенденцию: революционную тенденцию передового пролетариата", а "их аргументы имеют в их глазах цену лишь постольку, поскольку они помогают выставлять в неблагоприятном освещении ненавистное им понятие: социальная революция"⁴¹.

Плеханов считал, что теория эволюции общества, защищавшаяся Бернштейном и Струве, имела тот коренной недостаток, что в ней было "место только для изменения уже существующих, возникших вещей, а не для возникновения новых"⁴², из-за чего эта теория являлась лишь теорией буржуазного реформизма. По мнению Плеханова, отстаивавшаяся Бернштейном эволюционная теория означает не что иное, как социализм на капиталистической основе, а это не противоречит настроениям передовой промышленной буржуазии и ее идеологов, таких, как видный немецкий ученый В. Зомбарт, которые еще до Бернштейна весьма красноречиво рассуждали о подобном социализме,

т.е. о той самой социальной реформе, которую настоятельно рекомендовал Бернштейн. Непонятно, подчеркивал Плеханов, каким образом в результате эволюции, т.е. социальной реформы, капиталистические производственные отношения будут заменены социалистическими. В этой связи он критиковал столь часто упоминавшиеся последователями эволюционной теории слова известного русского философа Н.А. Бердяева, тогда примыкавшего к сторонникам Струве, о том, что "поправки, создаваемые самим капиталистическим развитием, до тех пор будут штопать дыры существующего общества, пока вся общественная ткань не сделается новой"⁴³. Плеханов писал: «Если я штопаю чулки, то они останутся чулками и не превратятся в перчатки даже в том крайнем случае, когда вся их "ткань" подвергнется сплошному обновлению»⁴⁴. История доказывает, что капиталистический строй, в частности, "утвердился благодаря устранению феодального цехового строя, а не благодаря его заштопыванию"⁴⁵.

Горячая полемика разгорелась по вопросу о "конечной цели" социалистического движения. Известна знаменитая формула Бернштейна "Движение – все, цель – ничто", развитая им в статье "Борьба социал-демократии и революция общества"⁴⁶, формула, которую, как считал Плеханов, Бернштейн заимствовал у немецкого буржуазно-либерального экономиста Г. Шульце-Геверница. В отличие от Бернштейна, а также от Струве, который видел в конечной цели лишь нравственный идеал, Плеханов подчеркивал, что революционные социалисты убеждены в неизбежности осуществления конечной цели – социализма. "Наш идеал, идеал революционной социал-демократии, – это действительность будущего. За его осуществление ручается нам весь ход современного общественного развития"⁴⁷.

Рассуждая по поводу объявления Бернштейном теории Маркса утопической, Плеханов с сарказмом пишет: "... утопистом выходит у нас всякий общественный деятель, ставящий себе какую бы то ни было другую цель, кроме цели быть беззаботным насчет каких бы то ни было других целей"⁴⁸ – и с полемической непримиримостью разъясняет, что "всякая другая цель непременно приурочивается к будущему. Всякая другая цель непременно неизбежно предполагает недовольство настоящим"⁴⁹, в данном случае – существующим соотношением общественных сил. Всякая другая цель означает желание изменить это соотношение в ту или другую сторону и выходит, таким образом, из границ "реальности". Но самое интересное, подчеркивал Плеханов, что утопическими у П. Струве и его сторонников оказываются те задачи, для решения которых необходимо устранить капиталистические отношения производства, вполне же реальным признается то социалистическое движение, которое «в своих "реформаторских" стремлениях не идет дальше штопания дыр»⁵⁰.

У Струве есть слова о том, что конечная цель перестанет быть утопией только тогда, когда сам рабочий класс "процессом само-бытного развития, без воздействия на него революционной бациллы" придет к убеждению, что его интересы требуют немедленного дости-

жения этой цели⁵¹. Плеханов называл подобные взгляды метафизическими, так как они исходят из категорического противопоставления понятий "да-да", "нет-нет", в данном случае из того, что материальных условий для осуществления социализма не существует. Он обращал внимание на слова Маркса из упомянутого выше предисловия к "К критике политической экономии", что человечество ставит себе только такие задачи, которые может решить, но при ближайшем рассмотрении всегда окажется, что сама задача выдвигается только тогда, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения, или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения⁵². Именно на эти последние слова обращает внимание Плеханов – "в процессе возникновения". Плеханов подчеркивает, что этот процесс не может быть подмечен одновременно всем тем "человечеством, которому со временем придется решать эту задачу", что человечество состоит из отдельных слоев и лиц разной степени развития и неодинаковых природных дарований. "То, что понятно одним как историческая необходимость, часто еще даже и не подозревается другими", что есть и дальнорукые и близорукые, но это не значит, что дальнорукых надо отнестись к утопистам. Напротив, они лучше других различают направление общественного развития, а их суждения ближе к действительности⁵³.

По Плеханову, бороться за конечную цель – значит отстаивать будущность движения. Эта будущность может быть правильно понята только тогда, когда осмыслен ход современного экономического развития, иными словами, конечная цель так же реальна, как реально это развитие. Наличие же социал-демократии, которая разъясняет пролетариату перспективу и конечную цель его движения, лишь доказывает, что материальные условия, необходимые для достижения этой цели, уже находятся в процессе своего становления и что этот процесс уже может быть замечен более зоркими глазами. Конечная цель – "не более как сознательное выражение бессознательной тенденции, свойственной развитию нашего нынешнего общества"⁵⁴, а стремление разума понять, в каком направлении идет развитие экономических отношений в обществе и чем закончится этот процесс, вполне естественно.

Подчеркивая различие между научным социализмом и утопиями прошлого, Плеханов отмечает, что "социалисты-утописты исходили из того или другого отвлеченного принципа и опирались на его силу. Последователи научного социализма исходят из сознания исторической необходимости и опираются на ее силу"⁵⁵. «Чтобы влиять на историческое движение, надо понять существующий экономический порядок. Понять существующий экономический порядок – значит уяснить процесс его развития, вплоть до его окончательного исхода включительно. Будучи выясненным, этот исход неизбежно становится нашей "конечной целью" при первой же нашей попытке положительного участия в историческом движении»⁵⁶. Социализм как конечная цель становится утопией тогда, писал Плеханов, когда люди

верят, что развитие капитализма будет продолжаться постоянно, т.е., другими словами, что капитализм будет существовать всегда или, по крайней мере, так необозримо долго, что незачем и задумываться над его устранением. Это значит, что конечная цель превращается для социалиста в утопию, когда он перестает быть социалистом. Понятны попытки новых критиков марксизма привлечь себе в союзники Маркса и направить его оружие против него же самого. Получается так, что Маркс, который мастерски доказывает историческую необходимость возникновения капиталистического способа производства, обнаруживает большой скептицизм во всем, что касается замены капитализма социализмом⁵⁷.

Полемика между Плехановым и Бернштейном шла и по проблемам демократии, парламентаризма, диктатуры пролетариата, экономического развития. Бернштейн являлся сторонником эволюционного развития общества через систему избирательного права, демократии и парламентаризма. Демократию он считал системой, которая уничтожает классовое господство, если не уничтожает сами классы⁵⁸. Плеханов возражал: демократия не уничтожает классовое господство, она уничтожает только политические привилегии высших классов. "Именно потому, что она не уничтожает экономического господства одного класса над другими, — буржуазии над пролетариатом, — она не устраняет также ни взаимной борьбы пролетариата с буржуазией, ни необходимости для пролетариата бороться всеми теми средствами, которые только могут в данное время оказаться целесообразными"⁵⁹. Однако Плеханов признавал преимущества демократии и те выгоды, которые она дает пролетариату в его освободительной борьбе. Поскольку значительная часть трудящихся обладает неразвитым самосознанием и до сих пор еще находится под влиянием эксплуататоров, необходимо просвещать, подталкивать, развивать эти слои, и в этом отношении парламентаризм и демократия могут оказать марксистам неоценимую услугу, а парламентская деятельность заслуживает всяческого уважения и одобрения еще и потому, что она нисколько не противоречит диктатуре пролетариата, а подготавливает ее⁶⁰⁻⁶¹.

Как известно, Бернштейн считал классовую диктатуру политическим атавизмом. То, что в обществе существуют классы, отмечал Плеханов, а следовательно, и классовая борьба с необходимым и естественным стремлением каждого из борющихся классов к сокрушению своего противника и политическому господству над ним, заметили еще буржуазные историки Минье, Гизо, Тьерри. Диктатура любого класса означает, как это прекрасно знал еще Минье, господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для прямого или косвенного подавления всех тех общественных движений, которые угрожают этим интересам⁶². Плеханов констатировал, что буржуазия в лице ее идеологов, одним из которых был Гизо, не осуждала классовую борьбу, когда она вела ее с феодалами, и стала осуждать ее, когда на арену

вышел рабочий класс. В эпоху борьбы с феодалами Минье говорил о силе как о единственном средстве отстаивания своих прав⁶³. Поэтому, считал Плеханов, рабочий класс не должен доверять призывам современной буржуазии к нравственности и справедливости.

Известно, что Бернштейн постоянно подчеркивал, что в современных демократических странах рабочий класс не имеет надобности в насилии, что "вся практическая деятельность социал-демократии сводится к тому, чтобы создать такие обстоятельства и условия, которые сделали бы возможным и необходимым переход современного общественного строя в высший без конвульсивных потрясений"⁶⁴. Плеханов отмечает, что социал-демократы действительно заинтересованы в том, чтобы этот переход совершился без потрясений. «Всякий неповрежденный человек согласится с тем, — писал Плеханов, — что "ужасы насильственной революции", взятые сами по себе, ничего желательного в себе не заключают»⁶⁵. Но всякий не ослепленный антиреволюционной тенденцией человек должен также признать, что демократическая конституция совсем не гарантирует общественное устройство от такого обострения классовой борьбы, которое может сделать неизбежным революционный взрыв и революционную диктатуру.

Напрасно, писал Плеханов, Бернштейн пугает тем, что классовая диктатура — признак более низкой культуры. "Великий общественный вопрос нашего времени, вопрос об уничтожении экономической эксплуатации человека человеком может быть решен, — как решались великие общественные вопросы прежних времен, — только силой"⁶⁶. Правда, сила еще не означает насилие, насилие лишь одна из форм проявления силы. Но выбор той формы, в которой пролетариату придется проявить свою революционную силу, зависит не от его доброй воли, а от обстоятельств. "И именно потому, что социал-демократия не в состоянии предвидеть все те обстоятельства, при которых рабочему классу придется завоевывать свое господство, она не может принципиально отказываться от насильственного способа действий"⁶⁷. Та форма лучше, считал Плеханов, которая вернее и скорее приведет к победе над неприятелем. И было бы жалким доктринерством, если не изменой, если бы кто-то, подобно Бернштейну, выдвинул соображение о "низкой культуре" в тот момент, когда революционное насилие оказалось бы в данной стране и при данных обстоятельствах наиболее целесообразным. Всякое сопротивление злу могли бы в данных обстоятельствах принципиально осудить только толстовцы⁶⁸. Отмечая, что "стараться замедлить современное социальное движение — значит совершить самый тяжкий грех против гуманности и культуры"⁶⁹. Плеханов дает Бернштейну совет не затемнять классовое сознание пролетариата с помощью пересмотренного марксизма, а попытаться избежать ужасов революции, обратясь к тем элементам буржуазии, которые еще не погрязли в классовом эгоизме, чтобы они ослабили сопротивление освободительному движению пролетариата.

Обосновывая свои теоретические выкладки, Бернштейн неодно-

кратно ссылаясь на Ф. Энгельса, в особенности на его введение к "Классовой борьбе во Франции" К. Маркса, написанное в марте 1895 г., в котором Энгельс советовал социалистическим партиям избегать насильственных действий и оставаться на почве мирной борьбы законными средствами. "Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь... Но для того, чтобы массы поняли, что нужно делать, необходима длительная настойчивая работа"⁷⁰.

Плеханов трактовал эти слова Энгельса следующим образом: во-первых, Энгельс предостерегает от провокаций, от преждевременных выступлений в силу неразвитости масс, так как социалистическая революция требует высоко развитого сознания масс. Поэтому не имеет ничего общего с доводами сторонников мирного развития во что бы то ни стало. Ссылаясь на другие работы Энгельса, Плеханов отмечал, что он предостерегал от насильственных действий прежде всего из-за изменившегося уровня вооружений и оснащенной армии, который делает безнадежными попытки уличных восстаний и тому подобных действий, но что Энгельс был уверен в благоприятном исходе выступлений социалистов после того, как революционные идеи вследствие всеобщей воинской повинности непременно проникнут и в армию⁷¹.

Плеханов отмечал, что к тому же Энгельс из практических соображений нечетко выразил свою мысль, поддавшись влиянию друзей по партии⁷², и привел слова его из статьи "Социализм в Германии", вышедшей в 1892 г. в "Нойе цайт", что «социалисты не могут обещать не выходить за пределы законности вообще, но сейчас законность – "в нашу пользу", и мы сами были бы глупцами, если бы нарушили ее»⁷³. Из этого Плеханов сделал вывод, что точка зрения Энгельса о возможности достижения победы легальным путем несколько не противоречит тому, что он сказал о возможном значении насильственных действий в революционной борьбе рабочего класса, и что речь в общем идет о наилучших условиях достижения успеха в этой борьбе. Плеханов писал о том, что и Гизо был революционером, когда в период реставрации подготавливал диктатуру буржуазии, доказывая враждебную противоположность интересов среднего класса интересам аристократии и считая всякую мысль о примирении вредной химерой, хотя он и не призывал к уличным боям и насильственным действиям. Совершенно такими же революционерами, только стоявшими на точке зрения другого класса, были К. Маркс и Ф. Энгельс. В этом отношении взгляды революционеров ни на йоту не изменились⁷⁴.

Опровергая "теорию катастроф", другими словами – социальной революции (по мнению Плеханова, понятие "теория катастроф" сконструировано самим Бернштейном из отдельных высказываний классиков марксизма), Бернштейн заявляет, что эта теория несостоятельна ввиду того, что экономические кризисы стали менее острыми, а всеоб-

щие кризисы из-за современных международных форм связи стали невозможными. Плеханов подчеркивает, что социальные потрясения могут быть результатом не только всеобщего хозяйственного кризиса, что и в период депрессий, когда увеличиваются безработица, нужда и лишения, классовая борьба также может обостриться, к тому же "кто может поручиться за непрерывный промышленный подъем в будущем"⁷⁵. Плеханов оказался прав: в последующей истории неоднократно происходили и локальные и всеобщие кризисы. В полемике же тех дней, допуская тем не менее вероятность подтверждения точки зрения Бернштейна, он отмечал, что и это еще не повод для того, чтобы отказываться от марксизма, который хотя и не служит истиной в последней инстанции, но является "высшей социальной истиной нашего времени"⁷⁶, не повод заменять его теориями "экономической гармонии" и "социального мира", которые Бернштейн заимствовал, по мнению Плеханова, у буржуазных экономистов. В ответ на возражения Бернштейна, что в конце концов 9/10 научного социализма взяты из сочинений буржуазных экономистов и вообще партийной науки не существует⁷⁷, Плеханов отвечает, что действительно партийная наука невозможна, но вполне вероятно существование "ученых", проникнутых партийным духом и классовым эгоизмом, что если марксизмом что-то и взято из арсенала буржуазной науки, то использовано критически в отличие от Бернштейна, который просто подчинился влиянию буржуазных ученых, целиком усвоил их апологетические аргументы⁷⁸.

Стержень экономических взглядов Бернштейна – учение о доходах. Бернштейн утверждал, что число собственников в капиталистическом мире растет и абсолютно и относительно и что это на пользу социал-демократии, ибо "не с уменьшением, а с увеличением общественного богатства связаны надежды социал-демократии"⁷⁹. Плеханов отвечает, что ни Маркс, ни Энгельс не связывали своих надежд с уменьшением общественного богатства, но все марксисты были убеждены, что рост этого богатства сопровождается в капиталистическом обществе возрастанием общественного неравенства и уменьшением числа собственников⁸⁰. Плеханов возражал Струве, Бернштейну, а заодно и Зомбарту, которые, утверждая, что прибавочная стоимость является функцией всего общественного капитала, способом существования всего капиталистического общества, что еще на целое столетие и больше хватит интенсивной и экстенсивной работы капитализма, что прогрессивная роль купцов, директоров акционерных компаний, гениальных предпринимателей очевидна, считали, что общественные противоречия по мере роста богатств, создаваемых капиталистической системой, притупляются. Плеханов резок в своих утверждениях: вся "эта почтенная братия" в лице "гениальных предпринимателей" и т.п. была и будет эксплуататором наемного труда, уровень эксплуатации и зависимость рабочего класса от капиталистов возрастают, а главное, что все буржуазные реформы не ограничивают прав капиталистической собственности⁸¹.

Доводы Бернштейна сводились к тому, что умеренные доходы растут быстрее, чем население. "Это бесспорно", – признавал Плеханов. Но если общественный доход растет еще быстрее, чем число умеренных доходов, то увеличение этого числа вполне совместимо с ростом общественно-экономического неравенства, а это не свидетельствует ни об абсолютном, ни, еще менее, об относительном возрастании числа собственников. Плеханов считал, что цифры о распределении поземельной собственности, приводимые Бернштейном, неверны. Необходимо, отмечал Плеханов, рассматривать размер доли средних крестьянских хозяйств в отношении к общему числу хозяйств и к общей площади обрабатываемой земли (а общее число хозяйств и вся культивируемая площадь Бернштейном не сообщаются), учитывать географические особенности каждой местности и т.д. Тогда возникает другая картина, которая свидетельствует об увеличении площади крестьянских хозяйств на какие-то доли процента от всей культивируемой земли⁸². Утверждение же Бернштейна об увеличении числа мелких и средних фермерских хозяйств также неверно по отношению, в частности, к Америке, Бельгии, где наблюдается тенденция к концентрации хозяйств и относительному уменьшению числа собственников. Наконец, Плеханов считал, что Маркс признал бы положение трудящихся в капиталистическом обществе безнадежным даже в том случае, если бы возможно было значительное улучшение их положения, ссылаясь на слова последнего о том, что лучшая одежда, пища, лучшее обращение и большой запас денег столь же мало уничтожают состояние зависимости и эксплуатации наемного рабочего, как и рабов⁸³.

Признавая правильность одних положений критики Плеханова и не соглашаясь с другими, следует отметить тот очевидный факт, что, по существу, в рассмотренной дискуссии двух крупных представителей русской и немецкой общественной мысли – Г.В. Плеханова и Э. Бернштейна как в зеркале отразились реальные процессы, происходившие на рубеже веков, процессы, которые и сейчас продолжают в современном мире. Основные процессы развития мировой цивилизации, все ее катаклизмы и беды, крупные исторические события – революции, тоталитарные режимы, войны – прошли через Россию и Германию. Поэтому до сих пор не утратили актуальности мысли и философские рассуждения, которые выходили из-под пера видных политических деятелей и теоретиков этих стран, в особенности, думается, представителей социалистического направления, ориентированного на миллионные массы, пытавшихся по-своему отразить интересы большинства.

Две тенденции – революционная и эволюционная – обусловлены самой жизнью, поэтому и Г.В. Плеханов и Э. Бернштейн олицетворяли общую направленность самого хода исторического развития, процессов коренных изменений в общественной жизни, отражавших интересы определенных классов и слоев общества. Эти споры среди философов, общественных и политических деятелей продолжаются и

по сей день. По существу, речь идет не только о капитализме и социализме, об общественном строе, но и, как можно судить по современным идеологическим дискуссиям, о более объемных понятиях, о судьбах цивилизации, о ходе и направленности ее развития, о дискретном и непрерывном в ее развитии.

Материя, как достаточно хорошо уяснили представители современной физики, по существу, одновременно обладает свойствами и непрерывности и дискретности (т.е. прерывности, оторванности), и процесс познания ее бесконечен. Поэтому можно говорить о том, что и теория Бернштейна, и теория Плеханова одинаково имеют право на существование, поскольку отражают сложные, бесконечно противоречивые процессы, реально происходившие и происходящие в обществе. Плеханов временами излишне категоричен и, подчас впадая в доктринерство, сужает свое же собственное объемное понимание марксизма. В ходе дискуссии он подчеркивал, что возникновение революционной социал-демократии обусловлено самим ходом исторического развития общества, но почему же тогда не признать, что и идеи Бернштейна, получившие столь широкое распространение в международной социал-демократии на рубеже веков, также отражают определенные социально-экономические тенденции?

Две идеологические тенденции – революционная и эволюционная, конвергентная и дивергентная – в своем единстве и противоположности, рожденные и возникающие до сих пор в сотрудничестве и столкновениях, в уверенности и рефлексиях, воплощенные в добрых и сомнительных делах и не воплощенные вовсе, сопровождают и до наших дней весь ход всемирной истории, влияют на интеллектуальные процессы, связанные с познанием современной действительности, порождают новые, а по существу – вечные идеологические и нравственные проблемы. И сейчас происходит брожение умов в исторических условиях, когда уже проявил себя и положительный и отрицательный опыт и капитализма и социализма.

За прошедший период, с момента первой мировой войны и революций 1917–1919 гг. и до наших дней, имел место целый ряд катаклизмов, о которых говорил Плеханов, были и разрушительные экономические кризисы, и политические потрясения, и страшные мировые войны, и бесконечные локальные военные разборки, которые продолжают и по сей день. В то же время имеет место и локально спокойное, эволюционное развитие ряда капиталистических стран, прежде всего Скандинавских, которые, думается, в известной мере воплотили в жизнь вариант общественного развития, сторонником которого являлся Бернштейн. Вопрос остается вечным. Кто из мыслителей, говоря языком Плеханова, дальнорукый, а кто близорукий? Ведь и дальнорукый может оказаться прожектёром, ну а близорукий может не видеть дальше собственного носа, тем более что исторический процесс – бесконечно объемный, но и волнообразный, и за этими волнами не всегда можно обозреть бесконечную даль.

- ¹ Теория Э. Бернштейна требует специального рассмотрения. См.: *Азаев С.А.* Движение и цель // *Полис*. 1991. № 2; *Евзеров Р.Я.* Современная историография II Интернационала: Переосмысление прошлого // *Новая и новейшая история*. 1993. № 1; *Овчаренко Н.Е.* Две жизни Эдуарда Бернштейна // Там же. 1994. № 3, 4, 5; *Петренко Е.Л.* Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна. М., 1990; и др. В настоящей же статье обращено внимание на те положения этой теории, которые составили предмет острой критики со стороны ортодоксальных марксистов, в том числе и Г.П. Плеханова. Из последних работ о Г.В. Плеханове см.: *Тютюкин С.В.* Политическая драма Г.В. Плеханова // *Новая и новейшая история*. 1994. № 1; III Плехановские чтения: 30–31 мая 1993: Тез. докл. СПб., 1993.
- ² Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. В., 1898. S. 122–125.
- ³ Автор статьи использует издание: *Бернштейн Э.* Исторический материализм. СПб., 1901.
- ⁴ Уже в феврале 1898 г. в переписке с П.Б. Аксельродом он выразил желание "атаковать" Бернштейна и его сподвижника К. Шмидта. См.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 189, 201.
- ⁵ *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произведения. М., 1956. Т. 2. С. 771, примеч.
- ⁶ *Neue Zeit*. 1898. N 5, 29. Okt.
- ⁷ *Маркс К.* Предисловие к "К критике политической экономии" // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.
- ⁸ Литературное наследие Г.В. Плеханова: Сб. V. М., 1938. С. 261.
- ⁹ Каутский в частной переписке просил Плеханова смягчить остроту полемики (речь шла в данном случае о К. Шмидте). Плеханов заявил, что он ненавидит такого рода писателей и не понимает, почему он не имеет права разругать этого господина, который смеет поносить "наших учителей, не поняв ни одного слова в их философии". См.: Литературное наследие Г.В. Плеханова: Сб. V. С. 284.
- ¹⁰ Иммануил Кант (1724–1804) – выдающийся немецкий философ и ученый, родоначальник немецкого классического идеализма, основатель "критического идеализма", "критической теории" познания, утверждающей, что природа вещей принципиально недоступна познанию. Широко известны его этическая и эстетическая концепции.
- ¹¹ *Neue Zeit*. 1898. N 34, 27. Mai.
- ¹² *Плеханов Г.В.* О мнимом кризисе марксизма // *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произведения. Т. 2. С. 336–337.
- ¹³ Там же. С. 340.
- ¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 284.
- ¹⁵ *Плеханов Г.В.* Бернштейн и материализм // *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произведения. Т. 2. С. 360.
- ¹⁶ *Бернштейн Э.* Указ. соч. С. 78–79.
- ¹⁷ *Плеханов Г.В.* Сант против Канта или духовное завещание Э. Бернштейна // *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произведения. Т. 2. С. 386.
- ¹⁸ Там же. С. 383.
- ¹⁹ *Бернштейн Э.* Указ. соч. С. 330.
- ²⁰ *Плеханов Г.В.* Сант против Канта... С. 386.
- ²¹ *Плеханов Г.В.* Первые фазы учения о классовой борьбе // *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произведения. Т. 2. С. 491.
- ²² *Плеханов Г.В.* О мнимом кризисе марксизма. С. 344.
- ²³ Там же. С. 342.
- ²⁴ Там же. С. 343–344.
- ²⁵ *Плеханов Г.В.* Сант против Канта... С. 391, прил.
- ²⁶ *Плеханов Г.В.* Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса // *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произведения. Т. 2. С. 422.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Плеханов Г.В.* Сант против Канта... С. 387.

- ²⁹ Там же. С. 392.
- ³⁰ *Маркс К.* Послесловие ко второму изданию "Капитала" // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 22.
- ³¹ *Плеханов Г.В.* Сант против Канта... С. 380–381; *Гегель Ф.* Соч. М., 1930. Т. 1. С. 131–132.
- ³² *Плеханов Г.В.* Сант против Канта... С. 377.
- ³³ *Neue Zeit*. 1899. N 37, 38.
- ³⁴ *Плеханов Г.В.* Сант против Канта... С. 382.
- ³⁵ Там же. С. 383.
- ³⁶ *Плеханов Г.В.* Критика наших критиков // *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произведения. Т. 2. С. 605.
- ³⁷ Там же. С. 609.
- ³⁸ Там же. С. 607.
- ³⁹ Там же. С. 612.
- ⁴⁰ Там же. С. 610.
- ⁴¹ Там же. С. 615.
- ⁴² Там же. С. 615, 619.
- ⁴³ *Бердяев Н.А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. СПб., 1901. С. 260.
- ⁴⁴ *Плеханов Г.В.* Критика наших критиков. С. 618.
- ⁴⁵ Там же. С. 619.
- ⁴⁶ *Neue Zeit*. 1898. N 16–18.
- ⁴⁷ *Плеханов Г.В.* Критика наших критиков. С. 620.
- ⁴⁸ Там же. С. 623.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Маркс К.* Предисловие к "К критике политической экономии" // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.
- ⁵³ *Плеханов Г.В.* Критика наших критиков. С. 625.
- ⁵⁴ Там же. С. 628.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. С. 629.
- ⁵⁷ Там же. С. 631.
- ⁵⁸ *Бернштейн Э.* Указ. соч. С. 225.
- ⁵⁹ *Плеханов Г.В.* Сант против Канта... С. 393.
- ⁶⁰⁻⁶¹ *Плеханов Г.В.* Первые фазы учения о классовой борьбе. С. 495–496.
- ⁶² Там же. С. 495.
- ⁶³ Там же. С. 497.
- ⁶⁴ *Бернштейн Э.* Указ. соч. С. 158.
- ⁶⁵ *Плеханов Г.В.* Сант против Канта... С. 393.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Плеханов Г.В.* Первые фазы учения о классовой борьбе. С. 498.
- ⁶⁸ *Плеханов Г.В.* Сант против Канта... С. 394.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г." // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 544.
- ⁷¹ *Плеханов Г.В.* Первые фазы учения о классовой борьбе. С. 501.
- ⁷² Там же. С. 502.
- ⁷³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 253.
- ⁷⁴ *Плеханов Г.В.* Первые фазы учения о классовой борьбе. С. 503.
- ⁷⁵ *Плеханов Г.В.* За что нам его благодарить?: Открытое письмо Карлу Каутскому // *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произведения. Т. 2. С. 371.

⁷⁶ Там же. С. 367.

⁷⁷ Бернштейн Э. Указ. соч. С. 306, 307.

⁷⁸ Плеханов Г.В. Сант против Канта... С. 397.

⁷⁹ Бернштейн Э. Указ. соч. С. 90.

⁸⁰ Плеханов Г.В. Сант против Канта... С. 395.

⁸¹ Плеханов Г.В. Критика наших критиков. С. 616–617.

⁸² Плеханов Г.В. Сант против Канта... С. 395–397.

⁸³ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 631–632; О Плеханове см. подробнее: Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б.М. Туполев</i>	
Предисловие.....	5
<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
Трактат Иоганна Фабри "Религия московитов". Вступительная статья, перевод, комментарии	10
<i>Б.М. Туполев</i>	
Фридрих II, Россия и первый раздел Польши.....	46
<i>Г.Н. Сапожникова</i>	
Из истории русско-германских культурных связей в середине XVIII – начале XIX в.....	111
<i>М.А. Додолев</i>	
Россия и проблемы Германской конфедерации в первые годы существования Священного союза (1815–1820 гг.).....	124
<i>М.И. Михайлов</i>	
1848 год: Россия и Германия.....	148
<i>И.В. Барахова</i>	
Создание Союза трех императоров.....	167
<i>С.В. Оболенская</i>	
"Германский вопрос" и русское общество конца XIX в.....	190
<i>Л.Н. Бровка</i>	
Г.В. Плеханов о теории Э. Бернштейна: полемика по проблемам марксизма	206
<i>Вольфрам Ветте</i> (Германия)	
Образы России у немцев в XX в. (пер. с нем. Н.Ф. Сокольской).....	225
<i>Д.А. Сдвижков</i>	
Пацифизм и политическая система в России и Германии накануне первой мировой войны.....	244
<i>В.А. Космач</i> (Республика Белоруссия)	
Советская Россия в германской внешней культурной политике в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.).....	262
<i>Г.А. Космач</i> (Республика Белоруссия)	
Национал-большевизм в Германии и Советская Россия (1919–1932 гг.)	281
<i>Е.Н. Кульков</i>	
Советский Союз в военно-политических планах нацистской Германии (1933–1941 гг.).....	294
<i>М.И. Семиряга</i>	
Советско-германские отношения (1939–1941 гг.).....	319
<i>О.В. Вишлёв</i>	
К вопросу о характере германо-советских отношений (осень 1939 г. – лето 1940 г.).....	337
<i>Ф.И. Новик</i>	
Объединение Германии и российско-германские отношения	350
<i>С.Р. Сухоруков</i>	
Тысячелетняя история российско-германских связей в интерпретации Гельмута Вольфганга Кана (ФРГ)	367